

К Р О К О Д И Л

НА Н-СКОЙ ПЕРЕПРАВЕ

— Алло, господа полковники!.. Срочно вышлите еще одну дивизию!.. Мы не уложимся!..

Рис. Бор. Ефимова

Партизан! Ищи зверя по следу!

Во степях во донецких

Немцы рвутся на Волгу,
Немцы лезут за Дон.
Мы немецкому волку
Наготовим препон.

Нам стрелять не учиться,
Не впервой воевать,
Не позволим в станице
Немчуре пировать!

Пусть немецкие танки
Не пугают донцов,
Зарыдают германы
Без мужей-мертвецов.

Наши кони, как ветер,
Схожи с бритвой клинки,
За разбой нам ответят
Головой пруссаки.

Нашу волю казачью
Немчуре не сломить,
Волчью стаю пруссачью
Будем пулей кормить.

За оскверненные хаты,
За поруганных жен
Много немцев проклятых
Сожнем с берега в Дон.

Наша ярость без меры,
Наша злость без границ,
Палачей-назверов
Выбьем вон из станиц!

За наш край за советский
До конца постоим —
Во степях во донецких
Немчурку разгромим!

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

Бургомистр

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО год назад в тихий, можно сказать заштатный наш городок прибыл Василий Аркадьевич Зайкин. Все его документы были в безукоризненном виде, и он как бы с марша приступил к исполнению своих служебных обязанностей. В лучистое августовское утро он стоял в отпущенном светлом костюме в городском саду на летней сцене и держал перед нашими любителями завлекательнейшую речь. Он говорил об искусстве, о творческих исканиях, о «Царе Эдипе»... Было неясно, почему новый наш режиссер задумал открыть театральный сезон «Царем Эдиком», но все любители были обворочены испугательным словом Василия Аркадьевича: какова зрелищность, каков размах!..

С этого незабываемого собрания Василий Аркадьевич возвращался с Липочкой Кожеваткиной, пухлой, рослой девушкой, служившей в нашем театре кассиршей. Утром следующего дня мы узнали, что наш режиссер и художественный руководитель поселился в домике мамаша Кожеваткиной и что он женится на Липочке. В связи с этим событием Василий Аркадьевич перенес первую репетицию со среды на пятницу, и в коридорном домике Кожеваткиных начался медовый, или, как пишут американские романисты, медовый, месяц.

В пятницу, в назначенный час, все мы собрались на сцене: вот-вот придет Василий Аркадьевич и начнется интереснейшая, может быть, историческая в жизни нашего театра репетиция. Возбужденные, мы нетерпеливо поглядывали на часы. Ожидание длилось четыре часа, а в начале пятого пришла встревоженная, с сильно опухшими глазами Липочка. Она оглянула сцену, всех нас, видимо, прочтя на наших лицах, что Василия Аркадьевича тут нет и не было, опустила на скамью и зарыдала.

Мы обступили Липочку и с недоумением и с невыразимой жадностью ловили ее слова и полуслова, перемежавшиеся рыданиями, отчаянными вздохами. Оказалось, что Василий Аркадьевич исчез: он не ночевал дома и не пришел к Липочке утром, и вот нет его и в театре. Где он? Что с ним?..

Ошеломленные, мы стояли возле Липочки и не понимали ничего. Стояли мы до тех пор, пока в театральном вступил в сопровождении багрово-красной мамаша Кожеваткиной Егор Егорыч Свиридов, товарищ из уголовного розыска.

— А я сейчас к вам, гражданин, заходил,— учтиво обратился он к Липочке и спросил, не забыл ли гражданин Зайкин у Липочки каких-нибудь документов и, быть может, инструментов.

Словом рыдания Липочки пропала.

— Умоляю... скажите... где он... что случилось?..

Сочувственно и даже задумчиво Егор Егорыч проговорил:

— А то, гражданка Кожеваткина, случилось, что прежде чем выходить замуж, надо задать себе вопрос: за кого именно я выхожу?..

Мы изумленно заговорили:

— Как—за кого?.. За Василия Аркадьевича Зайкина!.. Он на работу к нам приехал...

Егор Егорыч пошевелил в воздухе указательным пальцем:

— Зайкин-то он Зайкин, но у него и еще званья есть: «Степка Момент», «Василий Шуйский», а в Костроме он Демьяном Шалиным себя величал. Наивная там в театр кассиром, уволок всю вырубку и — к нам.

Через три месяца в тихий наш городок ворвались немцы. А на другое утро мы узнали, что у нас есть бургомистр и зовут его Зайкиным Василием Аркадьевичем. А еще через день мы читали первый приказ бургомистра о сдаче хлеба, продуктов, шерсти, валенок, золотых часов, колец, серебряных ложек и т. д.

Коротко говоря, служил Зайкин немчуре усердно и даже издохновенно. Три недели назад он издал приказ о постройке «пирамиды в честь немецкого оружия». Мы, любители драматического искусства, тоже были привлечены на строительство этой пирамиды: ломали в Мышкиной горе камни. И вот там однажды неожиданно появился среди нас Зайкин. Узнав старика Никодимова, нашего суфлера, бургомистр снисходительно проговорил:

— Ну, как живем, старина?

Потом сказал:

— Ты думаешь, что я не знал тогда, что меня заметут? Даже очень хорошо знал. Нох меня, старина, никогда не обманывает, не-ет! Но устал бегать из города в город и махнул рукой...

Через полчаса все мы видели, как Зайкин, отозвав в сторону бывшего дворника земельного отдела, что-то дал ему и долго о чем-то с ним говорил.

И с тех пор Зайкин, единственный Иуда в нашем городке, купавшийся, как сыр в масле, исчез навсегда куда.

Вчера, как и каждое утро, мы собрались в своем полуразрушенном театре. Неодолимая сила тянет нас туда, и мы, сидя у сцены, вспоминаем о минувших днях, мечтаем о будущем.

Суфлер Никодимов, живущий в соседстве с бывшим дворником земельного отдела, шепотом спросил нас:

— Помните... у Мышкиной горы Зайкин передал Прохорычу пакетик? К Прохорычу должен был прийти за этим пакетиком какой-то человек в белом картузе, но так и не пришел. Вот он, пакетик-то...

Мы прочли:

«Дружок Антоша, с паспортами поторопись. Я опять нализался с Вернером. Вчера господин Вернер был в штабе, там все ходит серые, испуганные... Генерал прочел какую-то секретную бумагу и ска-

зал адъютанту: «Если у нас будут такие успехи, то в октябре в полках останется по пятидесяти человек». Мы вычерпали вчера с Вернером четыре бутылки. Он спросил: «Вы ничего не предчувствуете, господин бургомистр?» Потом он добавил: «Ах, если бы вы знали, господин бургомистр, на какой тонкой ниточке мы держимся!» И затянул собачьи своим тенором катушку-то «кладбищенскую канитель». Того я гляди разревелся. Это он, дружок Антоша, говорит со мной так уже не в первый раз. И со Шварубреймом та же история. Нох меня никогда, Антоша, не обманывает: как можно скорее лямки паспорта. Лучше всего — шведские с аргентинской энзой. Приеду к тебе с багажом. Теперь все зависит от тебя...»

Мы много раз перечитали письмо.

— Знаете,— громко сказал суфлер,— а ведь нох его и в самом деле никогда не обманывает.

А. КОЛОСОВ

Рис. Г. Валька

В брайских лесах партизаны находят газету «Партизанская правда».

Корреспондент «Партизанской правды» тов. К. взял беседу у немецкого коменданта для очередного номера газеты.

— Почему ты так дрожишь, Шульц?
— Понимаешь, почему-то земля дрожит от русской артиллерии, вот и я с ней 'дружу за компанию.

Кокаин не поможет

ГАНС Рихтер был очень храбрым германским солдатом. Он был высокого роста, широкоплечий. Ганс Рихтер не обладал какими бы то ни было отличительными свойствами, кроме одного: он не любил ходить в атаку. Можно прямо сказать, что Ганс Рихтер согласился бы прожить свою жизнь, до глубокой старости, не испытав, что такое атака.

Унтер-офицер Груббе с этим свойством Ганса Рихтера никак не мог примириться. И, очевидно, плохо бы пришлось Гансу Рихтеру. Но унтер-офицер обнаружил, что отвращение к атаке присуще не только Гансу Рихтеру. Это открытие унтер-офицер Груббе сделал однажды вечером на привале, когда подслушал разговор Ганса Рихтера с другими солдатами.

— Завтра, наверно, будет атака, — сказал Ганс Рихтер, — и, наверно, убит. Все и кончится. А почему это мы должны подыхать здесь, в России?

— А будущее Германии? — спросил кто-то робко.

— Плевал я на это будущее, — сказал один из солдат, — с того света, что ли, я буду любоваться этим будущим, как любовался уже Мюллер, Грошман, Шлипер, — словом, процентов восемьдесят солдат из нашей роты, что пришли в Россию?

Унтер-офицер Груббе был настолько ошарашен подслушанным разговором, что тут же побежал к командиру роты лейтенанту Штрауху.

Штраух внимательно выслушал унтер-офицера.

— Что же ты предлагаешь? — спросил он.

— Расстрелять, — предложил Груббе, — чтобы другим было неповадно.

— А сколько солдат принимало участие в беседе? — спросил ядовито Штраух.

— Да почти все отделение, — сказал Груббе.

— Сколько было выдано водки перед атакой? — неожиданно спросил лейтенант.

— По двести граммов, господин лейтенант.

— Ну и как?

— Да что-то не берет, — ответил Груббе, — не сильно действует.

— А если по триста выдавать?

— Пробовали и по триста. Конечно, лучше. Но тоже не очень.

— Ну, а если по четыреста попробовать?

— Могут с места не сойти, господин лейтенант. Я уж думал об этом. Еды мало — на голодный желудок может сильно подействовать.

— Пожалуй, правильно, — сказал лейтенант. — Вот что, попробуем кокаин.

— Извиняюсь, что попробуем?

— Кокаин. Пусть атакуют перед атакой. Это будет действовать сильнее.

На другой день солдатам перед атакой выдали кокаин. Ганс Рихтер, нюхавший кокаин, почувствовал себя восторженно хорошо, им овладело настолько приподнятое настроение, что он похлопал по плечу унтер-офицера Груббе и идти в атаку вообще отказался. Солдат Эшке, поймав кокаин, пытался спрятать и заявил Груббе, что он считает его отвратительным идиотом. И все же под давлением офицера солдаты были брошены в атаку.

Нам неизвестны результаты этой атаки. Нам известно другое. Да не только нам это известно. В германских военных госпиталях открыты специальные отделения для пострадавших от отравления наркотиками. Наркотики широко применяются в германской армии, они выдаются германским солдатам перед атакой, в связи с чем часты случаи отравления.

Вот что нам известно. И еще одно обстоятельство является непреложной истиной: германская армия в России несет огромные потери каждый час, каждый день истекает кровью. И кокаин не поможет.

К. ФИНН

Кукушка и вороны

РЕКА. Вдоль берега наши окопы. За рекой немцы. За их окопами лес. Где-то, над лесом, расположился немецкий снайпер. Он стреляет точно и хладнокровно в каждого, кто высунется из окопа. Командир подразделения тщательно осматривает лес в полевой бинокль.

КОМАНДИР: — Нет, ничего не видно... Должно быть, «кукушка» сильно замаскировалась.

1-й БОЕЦ: — Интересно отметить, товарищ командир, что и дулеет не помог. Два раза лес обстреляли, а она продолжает — не замолчала.

2-й БОЕЦ: — Главное, лес большой. Деревья масса, не понять, на каком дереве она расположилась.

1-й БОЕЦ: — Ну, если б знать, на каком дереве, я бы ее силой ошпарил выстрелом... А ну-ка, проверим...

Первый боец берет шлем, надевает его на штык и приподнимает над окопом. Тотчас немецкий снайпер посылает пулю.

КОМАНДИР: — По-моему, выстрел с этих деревьев...

1-й БОЕЦ: — Нет, товарищ командир, помозгу, с этих...

2-й БОЕЦ: — Главное, это раздается. Это мешает разогнаться.

3-й БОЕЦ: — Разрешите доложить, товарищ командир. Я знаю, на каком дереве «кукушка».

КОМАНДИР (недоверчиво): — Ну, на каком?

3-й БОЕЦ: — Вот видите ту красивую сосну?.. Посреди нее два высоких дерева... Немецкий «кукушка» сидит на левом дереве.

КОМАНДИР (над ошарашено): — Я тула в полевой бинокль гляжу и абсолютно ничего не вижу, кроме пустых ветвей. А ты вдруг рассмотришь.

1-й БОЕЦ (усмехаясь): — А, может, его сренне перекрывает полевой бинокль.

2-й БОЕЦ: — Интересно: как он там «кукушку» рассматривает?

3-й БОЕЦ: — А это не я рассматриваю. Это вороны рассматривают.

КОМАНДИР: — Действительно, там вороны кружатся...

1-й БОЕЦ: — Интересно отметить, товарищ командир, что они кружатся несмотря на выстрелы.

2-й БОЕЦ: — Все время выстрелы происходят, а они летают.

3-й БОЕЦ: — Вот это меня и привело на мысль... Если, думаю, невзначай на выстрелы вороны продолжают вести свою лютую жизнь, — значит, там у них расположено их гнездо.

КОМАНДИР: — Мысль правильная, товарищ Прохоров...

3-й БОЕЦ: — Теперь зададим себе вопрос: а почему эти вороны не садятся в свое гнездо, а предпочитают порхать по воздуху?

1-й БОЕЦ: — Может, от страха?

2-й БОЕЦ: — Если б от страха, так они бы давно улетели.

КОМАНДИР: — Нет, тут, наверно, у них другая объективная причина.

3-й БОЕЦ: — Вот именно, товарищ командир... Вот я и думаю: какая может быть объективная причина? Только одна причина — это дерево, на котором их гнездо, уже кем-то занято...

1-й БОЕЦ: — Кем же оно занято?

2-й БОЕЦ: — Может, «кукушкой»?

КОМАНДИР: — Ясно — «кукушкой».

3-й БОЕЦ: — Без сомнения, «кукушкой». И благодаря этому вороны пытаются сесть в свое гнездо... Видите, все время подлетают и сразу обратный ход делают...

КОМАНДИР: — Похоже на то... А ну-ка давайте проверим на практике... Ну-ка, ударим по этому дереву.

Бойцы по команде стреляют. Командир наблюдает в бинокль.

КОМАНДИР: — Есть. По-моему, что-то упало.

Один из бойцов берет шлем, надевает его на штык и приподнимает над окопом. Выстрел лет.

3-й БОЕЦ: — Замолчала «кукушка». Значит, рассуждали правильно.

КОМАНДИР: — Ну, спасибо тебе, товарищ Прохоров.

1-й БОЕЦ: — Значит, на войне не только храбрость нужна.

2-й БОЕЦ: — Нужна и смекалка.

КОМАНДИР: — И наблюдательность!

Мих. ЗОЩЕНКО

ОПЫТНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Рис. Б. Фридкина

— В этой деревне наши не были.
— Почему ты думаешь, Фриц?
— Я слышу пение петуха из деревни.

— Послушай, Ганс, говорят пехоте больше всего достается!
— Какой там! Самое ценное забирают танкисты...

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ВЕЖЛИВЫЙ СНАЙПЕР

— Товарищ снайпер, разрешите вас сфотографировать?

— Очень извиняюсь, по горло занят: видите, френч сляпано.

(«Вперед за родину»)

«СЧАСТЛИВЦЫ» И «НЕСЧАСТЛИВЦЫ»

I

В тылу

Франц: — Как дела, Вилли?
Вилли: — Русские ногу перебили.
А твою, дружок?
Франц: — Моя куку.
В среду
На фронт еду!

II

На фронте

Франц: — Везет счастливицу Кляпту!
Отто: — Задал в тыл драгу?
Франц: — Нет.
Отто: — Съел второй обед?
Франц: — Нет.
Отто: — Попал в лазарет?

Франц: — Нет.

Отто: — На тот свет?

Франц: — Нет.

Отто: — Русским в плен сдается?

Франц: — Наконец-то догадался!

(«Боевая кавалерийская»)

БРЕХЛИВАЯ ДУША

Гоббельс умирает, душа его прилетает к предвсмерью рай. Апостол Петр поочередно допрашивает прибывших.

— Сколько раз в жизни ты согрешил? — спрашивает он у первой души.

— Один раз, — отвечает душа.

— В наказание пройди до чистилища и обратно.

— А ты? — спрашивает апостол у следующей.

— Три раза.

— Тебе придется совершить это же путешествие трижды.

Когда очередь доходит до Гоббельса, тот, не дожидаясь вопроса, сам обращается к апостолу:

— Дорогой Петр, разреши мне на минуточку спуститься на землю и закатить свой мотоцикл.

(«Вперед за родину»)

ФОН МАКЕНЗЕН: — Все понял? Ну, теперь сыпь управлять государством!

В мире самоубийц

По плевому лицу Антонеску начальник сигуранцы понял, что его ждет немалостойкий прием. Прием был действительно неважный.

— Плохо работаете, полковник, — прорычал Антонеску.

— Помогите, ваше-ство, стараемся по силе возможности. Извольте поглядеть: если взять процент расстрелянных нами в январе за 100, то в феврале эта цифра увеличилась до 278, в марте она выросла до 359. В апреле и мае наблюдался дальнейший рост. В июне, июле и августе мы резко повысили выпуск продукции — даже вывозить трупы не успеваем. И без бюрократизма: утром арестовываем, вечером пускаем в расход...

— Вы румын пускаете в расход тут, русские пускают их в расход на фронте... Скоро от румынского народа один немды останутся. А тут еще самоубийства каждый день пошл!

Что вы можете по этому поводу сказать, полковник?

— Осмелюсь доложить: все обстоит как нельзя лучше. Если взять процент самоубившихся в июне за 100, то в июле эта цифра подскочила до 244, в августе наблюдается тенденция к дальнейшему повышению. По агентурным сведениям, можно и в сентябре рассчитывать на крупное количество лиц, желающих порвать счеты с жизнью.

— Простите, полковник, за откровенность, но вы дурак. Надо положить конец самоубийствам, а не радоваться их росту. Что вы предпринимаете?

— Я объявил, что все, кто покорится с собой, будут немедленно привлечены к ответственности по законам военного времени.

— Вторично прошу прощения, полковник, но вы все же дурак. Еще что?

— Я организовал митинг по борьбе с самоубийствами.

— Помогло?

— К сожалению, ваше-ство, не помогло. Человек двадцать, заподозренных в желании повеситься, удалось своевременно арестовать.

— Прекрасно! Расстреляйте их, чтобы другим неповадно было.

— Я, ваше-ство, еще сотенку человек собираюсь задержать. Кажется, и они недовольны своим существованием.

— Повесить! Сегодня же! Немедленно!

— Слушаю-с, ваше-ство.

— А если и это не поможет, пустите в расход еще пару сот штук. Борьба с самоубийством должна вестись до победного конца. Покуда они не прекратятся, мы будем вешать и расстреливать беспощадно. Все! Можете идти, полковник.

Н. ВЕРХОВЦЕВ

Энские укрепления

ИЗ СВОДКИ НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Рис. А. Баженова

Франция. Оккупированная зона. Город Эн. Десять часов вечера. Герр фон Энау ходит взволнованный по кабинету. Герр Энер стоит у дверей и ждет приказа.

Фон Энау (иронически): — Наконец мы одни, мой дорогой. (Серьезно.) Да, совершенно одни. В этом оккупированном немцами городе осталось только два немца: вы да я. Поняли?

Энер (робко): — А немецкий гарнизон?

Фон Энау: — Этот вопрос из древней истории. Так как я вам вполне доверяю, то могу сообщить военную тайну: в городе Эн не осталось ни одного немецкого солдата.

Энер: — Куда же они девались?

Фон Энау: — Двое убиты здесь на бульваре. Один пристрелен в одном из кафе города Эн. Все! Поняли?

Энер: — Понял. А все же не понимаю. Здесь ведь было два полка!

Фон Энау: — Два полка — это пустыня. Все солдаты и офицеры обоих полков перебиты. Поняли?

Энер: — Где? На бульваре? В кафе?

Фон Энау: — Ваши познания в географии ограничиваются энским бульваром и кафе. А слышали ли вы, что в России есть город Воронеж? Так знайте, что там закончил свое существование немецкий гарнизон французского города Эн. Поняли?

Энер: — Понял. Но все же не понимаю, как же нам теперь быть. Город не защищен...

Фон Энау: — Вы не лишены наблюдательности. И я вас вызвал затем, чтоб поручить вам немедленно возвести укрепления вокруг города Эн и его окрестностей. Поняли?

Энер: — Начинаю понимать.

Фон Энау: — Это должны быть прочные укрепления. Высший класс техники! Крик последней моды! Не забудьте, что за строительством этих мощных укреплений внимательно следит сам Геббельс. Поняли?

Энер: — Вполне.

Фон Энау: — Идите, стройте. И не жалейте железобетона.

Энер: — Слушаюсь.

Фон Энау: — Сколько времени потребует, чтоб воздвигнуть эти крепости?

Энер: — Часа два.

Фон Энау: — Много. А я хочу сегодня пораньше лечь спать. Поняли?

Энер: — Постараюсь сделать за полтора часа.

Фон Энау: — Много. Время военное. Дорога каждая минута. Даю вам срок полчаса. При ваших талантах это более чем достаточно. Договорились. Ступайте работать. Не жалейте железобетона! Поняли?

«Отступление 7-й венгерской дивизии доблестно отбито нашими частями».

Разведчик

Посвящается старшему сержанту Петру Воробьеву.

Через полчаса.

Энер: — Случилось большое несчастье.

Фон Энау: — Что такое?

Энер: — Большое несчастье. Ветер... окно...

Фон Энау: — Что ветер? Какое окно?

Энер: — Обыкновенный ветер. Окно было раскрыто. Ветер ворвался и унес все мои укрепления. Столько железобетона!

Фон Энау: — Вы идите, Поняли?

Энер: — Понял. Но у меня было столько железобетона! Я израсходовал полбутылки чернил. Я истратил столько фантазии! Я написал пять листов. Это была чудесная статья, полная выдумки. Не статья, а сказка! Я с таким чувством описал несуществующие укрепления вокруг города Эн, что мне самому стало страшно. Я писал и сам удивился, как это вы меня, герр редактор, так быстро научили врать. Мои статьи должны были стать украшением редактируемой вами газеты «Энскер тарабакхтер». Но окно у меня было раскрыто. Ворвался ветер и унес рукопись. А на улице такая темнота...

Фон Энау: — Болван! Поняли?

Энер: — Как не понять!

Фон Энау: — Даю вам срок еще полчаса. Полчаса! Тридцать минут! Газета из-за вас запаздывает. Чтоб были мощные укрепления! Больше железобетона! Не жалейте чернил. И закройте окно, чтоб вас черт не побрал!

Г. РЫКЛИН

Сапоги в болотной тине,
Руки выпачканы в глине,
И сухой сосновой веткой
Пощипана щека.
Он приходит из разведки
И приводит «языка».

Ночью, выйдя на охоту,
Он с бойцами в темноте
Между кочек по болоту
Полз ужом на животе.
На слышной летучей мыши
(Даже, может быть, потише),
Легких троп не выбирал,
Пробираясь не спеша,
Там, где нужно, замирая,
Там, где нужно, не дыша!

Прямо к немцам в тыл глубокий
Через заросли осины,
Сквозь бурьян и «бурелом»
Он прошел с друзьями вместе.

Чтобы немца взять на месте
И доставить в штаб живьем.

Все, что он в пути увидит
И на что в пути не выйдет:
На окоп ли, на блиндаж,
На немецкий взвод пехотный,
На расчет ли минометный,—
Все возьмет на карандаш.

Вот он выполнил задание,
Не успев передохнуть,—
И опять часы выманил:
Он идет в обратный путь.
На слышной летучей мыши
(Даже, может быть, потише),
Легких троп не выбирал,
Осторожно, не спеша,
Там, где нужно, замирая,
Там, где нужно, не дыша.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ.

Северозападный фронт.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградский шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-32-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписка: цена на журнал — 1 р. 50 к. в месяц.

Изд. № ЦМ ВКП(б) «Правда».

А 61471 Москва, Изд. № 638 Подписано к печати 25 VIII 1942 г. Статформат 72 X 105 см. Печ. а. л. Кол. экз. в 1 печ. д. 78 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 21. Заказ № 2333. Тираж 200 000 экз.

В НЕМЕЦКОМ ГОРОДЕ
— Опять рыбы нет!..

НА ДНЕ БАРЕНЦОВА МОРЕ.
— Опять сегодня немца будут выдавать!